

АЛИСА АВЕ

ОДНА ГОЛОВА ХОРОШО

литературный конкурс

Проект особого
значения

12+

Алиса Аве

Одна голова хорошо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67753007

SelfPub; 2022

Аннотация

Специалист по космической обороне Александр Беляков и его цифровой двойник прибывают на планету Проксима, чтобы узнать, что случилось с исследователем-космогеологом, отвечающим за базу терраформирования и не выходящим на связь в течение трех месяцев.

Алиса Аве

Одна голова хорошо

«Одна голова хорошо, а две лучше» – любил повторять мой дед. При этом он обычно вытаскивал какую-нибудь особенно лишнюю деталь из раритетного электроцикла. Дед отлично справлялся с помощью собственной единственной головы, а мою, маячившую на уровне потертого сидения, в основном гладил по взмокшим волосам и отстранял в сторону, чтобы не мешалась. Я подавал деду инструменты и надеялся, что он прокатит меня на чудной развалюхе.

– Будет, – твердил он. – Успеется.

Солнце жарило июльский полдень. Электроцикл устремлялся вдаль по ленте пляжа, дед проверял, так ли необходима выкинутая деталь, как задумывалось производителями. Я смотрел на темную взвесь песка, клубящуюся за дедом. Черная пыль хрустела под ногами, облепляла лоб и рот, потому что я постоянно вытирал пот с лица. «У деда, наверное, весь защитный экран в песке», – думал я, представляя, что сижу за его спиной, и мелкие крупинки скрипят на зубах – скрип свободы, а не предстоящей уборки.

Гараж деда портил морской пейзаж и скрашивал мои летние каникулы.

На Проксиме тоже повсюду черный песок и пыль. Завих-

рятся, змеится, ползет то от, то на тебя, пока идешь к исследовательской базе. Вдыхает вместе с тобой и забирается в уши, нос, рот, когда лежишь неподвижно без респиратора на пустынном склоне. Припорашивает воспоминания о бабушке и двух головах вместо одной.

«Что бы ты сказал, если бы увидел... Вторая голова отрасило тело, дед. Вот она уходит. А нам казалось, с ней и правда лучше».

«Встань и иди» – сказали мы прогрессу в лице новейшей разработки, у которой действительно появилось лицо. «И беги, и изучай, и защищай, и лети! Лети к звездам с нами и впереди нас!»

Удивительное дело: смерть приносит с собой не только отдых от боли и разочарования, но и изрядную долю сарказма. Нам следует ставить во главу угла чувство юмора, а не чистый «интеллект, порождающий мощь». Еще одна цитата со мной в последний скорбный час, девиз проекта «Заслон» – многоликого, многорукого, многоидейного отца-титана, давшего жизнь нашим устремлениям и тщеславию. Да, чувство юмора – один из признаков развитого интеллекта, и угасающего, как оказалось, тоже. Я булькаю смехом, и пыль прилипает к кровавым пузырям в уголках губ. Взгляд сползает вправо, куда встала и ушла моя «вторая голова». Но утыкается в нашивку «Заслона» на плече: человек, устремляющийся к сверкающей звезде. Или человек, несущий звезду перед собой. Кому как больше нравится: Икар или Прометей?

Человек, разумеется, олицетворяет человека, звезда – «Заслон» – сотканный лучшими умами щит, и еще – будущее.

– Пять... четыре... три... два... один... приземление состоялось, – оповестила система челнока, и я натянул респиратор на нос.

– Помни, ни на что не отвлекаемся. Все побочные наблюдения и находки фиксируем через киберпчелу и отправляем на Землю для следующего исследователя. Наша задача – база, – распорядился я и направил поток сознания навстречу открывающемуся шлюзу.

Сперва появилась привычная, едва заметная зеленоватая полоса – цифровая нить. Будто солнце отразилось в стальных боках челнока и послало приветственный отблеск. На Проксиме, к слову, друг за другом всходило сразу три солнца, один долгий день перетекал в другой.

На дальнем от меня конце нити обозначилась точка, она окрепла, увеличилась, постепенно принимая знакомые очертания.

– Везет некоторым, – усмехнулся я, – гуляешь без намордника.

В момент трансформации я всегда шутил неумело. Наблюдать за обретением формы волнительно, в животе образовывалась пустота. Я до сих пор и не отделался от ощущения, что от меня отрывают кусок. Мгновение назад никого в челноке, кроме меня, но вот уже с интересом взглянул в гла-

за уродец с телом ребенка и головой взрослого не по размеру к тощей шее. Вот он как тринадцатилетний подросток, но без мучавших меня столько лет прыщей на щеках. И вот к пыльно-черному горизонту Проксимы оборачивается полноценный мужчина. А мне остается хмурить брови, понимая, что над его орлиным носом, точной копией моего, никогда не появится две борозды мимических морщин, что снаряжение «Заслона» не топорщится на нем и что мои каштановые волосы на его голове идеально уложены. Ну да... как обычно.

– И снова все лучшее тем, кто придет позже, – заявил ОН, отлично повторяя легкое негодование, с каким я напоминал о задачах экспедиции, и первым ступил на планету.

– Запустить киберпчелу, – приказал я челноку.

Крохотный дрон-разведчик вылетел из открывшейся в стене соты. Продолговатый цилиндр лишь отдаленно походил на земную пчелу, но был столь же неутомим и трудолюбив. Киберпчела обогнала ЕГО, и мне стало не так обидно замыкать шествие.

– Можете дать им имена, – ученые проекта умели сдерживать рвущееся изнутри ликование, но тот маленький лохматый человечек лопался от гордости. – Изначально мы назначаем ваши имена. Допустим, Марк-Два, Светлана-Два, Петр-Два.

– Как известно Петр Второй кончил хуже Первого Петра, – сумничал кто-то из нас, но обширные знания истории не произвели эффекта. Остальные слушали ученого.

– Если не желаете делиться именем, называйте, как хочется, руководство не возражает. Важно установить связь, и вам лучше сделать это самостоятельно. Представляю вашему вниманию цифрового двойника человека, ЦДЧ – передовую разработку проекта «Заслон».

Он что-то набрал на планшете, датчики, прикрепленные к нашим шеям, замигали ярмарочными огнями, и лаборатория замерцало: нить-точка-фигура.

– Как вам давно известно, успешную трансформацию обеспечивают цифровая преемственность и целостность, технические инструменты инженерного анализа и исходные данные для создания цифрового двойника. Виртуальной копией человека занимаются многие научные центры, но именно нашему проекту удалось воплотить в жизнь давнюю мечту. Мы сотворили полное подобие, не просто голограмму или дополненную реальность, но физическое воплощение двойника посредством переноса сознания живого человека. В ваши тела вживлен генератор электромагнитного поля, IoT-датчики, позволяющие двойнику сохранять форму и относительную плотность, что поможет вам в исследованиях и позволит человечеству выйти на новый уровень развития.

Ученый говорил много, слегка подпрыгивая от волнения. Двойники вырастали из точек и произносили первые слова нашими голосам. Большинство из собравшихся радовалось, они выдумывали прозвища и хвастали друг перед другом, как дети, получившие долгожданного щенка или котенка в

подарок на день рождения. Для меня ОН остался ИМ. Я слушал ученого и не смотрел на близнеца, вперившего в меня взгляд.

– В свободное время прошу вас также использовать двойников, чтобы связь крепла. Каждый из них полноценная версия сознания отобранных проектом сотрудников из разных отделов. В основном, конечно, из исследовательских групп, отправляющихся в глубины океана или в космические экспедиции. Среди вас есть инженеры, медики, космобиологи, пилоты челноков, дизайнеры планетарных баз, мы старались максимально использовать ресурсы проекта. Двойники создавались с конкретными целями: помочь нам расширить горизонты, шагнуть дальше, нырнуть глубже. Они соответствуют основным критериям проекта, идеологии и чистоте помыслов. Никаких эмоциональных и интеллектуальных отклонений. Слепок психики – наиболее сложная часть разработки, и исходники должны обладать стабильностью поведения, прогнозируемостью в принятии решений. Ни глубоких привязанностей, ни травм детства, ни прочих обожаемых простыми людьми триггерных точек. Перед вами совершенные вы. Лучшее от идеального.

Сложно привязаться к лучшей версии себя, не так ли? Но проект по праву мог гордиться. Цифровая трансформация не противоречила этическим нормам, не спорила с эфемерным, мучавшим некоторые гениальные умы голосом совести. Никого не клонировали, значит, не играли в создателей.

Не возводили на пьедестал Искусственный Интеллект, ведь интеллект у Цифровых двойников напрямую зависел от носителя и не функционировал без него. Следовательно, вопрос о «боге из машины» вроде как закрывался, так и не открывшись. И в то же время возможная опасность для исследователей далеких планет сводилась к минимуму, мы посылали вперед свои неуязвимые версии, а сами шагали по проторенным дорогам.

И все-таки на Проксиме что-то произошло. Сигнал носителя и двойника пропал. Причем сперва исчез сигнал носителя и лишь спустя некоторое время – цифровой копии. После появился один – стабильный – носитель снова обозначился в системе проекта.

Проксима отличалась своеобразной красотой. Я не сразу пришел к такому выводу, но было в ней странное очарование. Возможно, сыграли роль детские воспоминания. Мне не хватало привкуса соли в воздухе, чтобы полностью воссоздать вокруг пляж, поднять из черного песка дедов гараж и провести колею от электромотоцикла вдоль барханов. Но сам песок... Два солнца преодолели большую часть небосклона, третье выходило из-за гряды по левую руку. Здешнее небо отливало сталью, дрожало маревом и вполне могло сойти за море, каким оно бывало в пасмурный день. Только море волновалось над головой, а я тонул в жаре и пыли, и кожа под респиратором чесалась. ОН, естественно, дискомфорта не испытывал.

– По данным киберпчелы, база за теми холмами, – объявил ОН.

В отличие от меня, ему не нужна обработка сведений от киберпчелы через программу челнока. ОН понимал дрон без слов. Зато использовал слова неправильно, равнодушно, что ли.

– Какие это холмы? – возмутился я. – Это хребет дьявола! Он раскидал трухлявые кости нам назло.

– К чему эта информация? – ОН кидал вопросы, не обращившись. Мы давно пришли к такой манере общения.

– Красиво. Тревожно. Интересно, – пояснил я. – Но куда уж тебе...

База служила отправной точкой терраформирования планеты. Небольшой пузырь, полный мягкого земного света, зеленой травы, белых корпусов и аллеей из саженцев. Все базы походили друг на друга. На Проксима терраформирование планировали провести в три долгосрочных этапа на разных участках, но пока одинокая база пряталась в тени холмов.

ОН спустился к базе первым. Еще бы, ОН же не шел, скользил себе вниз, не потел, не оставлял следов, не дышал через душащий намордник. Я бежал следом, ноги вязли в песке, и я вспомнил, что в детстве боялся зыбунов. Зыбучих песков. Насмотрелся старых фильмов про археологов-шпионов и с замирающим сердцем бродил по пляжу, страшась и надеясь встретиться с неверной, вязкой смертью. На пляже зыбунов не оказалось, но Проксима наверняка припрятала

парочку сюрпризов. Я чувствовал, как она задержала дыхание в предвкушении.

– Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты Луной зажглась золотой,
И тебе недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой,

– услышал я голос двойника и чуть не споткнулся. Я не знал этих строк. Откуда он мог их вытащить? Поэтичность сбила дыхание, куда сильнее бега, опереться было не на кого, мерцающее тело двойника служило подобием присутствия. Но я заметил, что с очередным появлением он становился все более осязаемым, а на Проксиме и вовсе получил телесность. Он даже рванулся подхватить меня, но вовремя опомнился и сказал:

– Бальмонт, поэт-символист. Стихотворение «Оазис», мне показалось, оно подходит. Разве база не напоминает оазис в бесплодной пустыне? «Я решился в желании смелом по кремнистой дороге идти и не медлить нигде на пути. Ты казалась мне высшим пределом, за который нельзя перейти».

– Да замолчи ты! – разозлился я. Он послушно замолк.

«Вот так! Пусть знает свое место», – бесился я, спускаясь к базе.

За прозрачной стеной пузыря работала система орошения. Трава тянулась к воде, я тянулся к воде и к влажному чистому воздуху. Я сорвал респиратор, едва оказавшись

внутри. Над головой крутилась голографическая эмблема «Заслона». Где бы мы ни странствовали, оказывались дома. В куполах, утверждавших Земное во Вселенной.

– Дрон засек движение, – двойник не тратил время на побочные мысли, как я и распорядился. Но что за поэтическое отклонение от цели сбило меня с ног? «Надо будет отправить отчет наблюдателям проекта. Пусть объясняют, каким образом он получил информацию не из меня. Поэт-символист, тоже мне».

Из ближайшего корпуса, по периметру которого цвели то ли фиалки, то ли анютины глазки, в цветах я не разобрался, вышел человек. Помахал нам, пошел навстречу.

– Одет с иголки, – заметил я, – не запыхался.

Форма проекта сидела на исследователе идеально, не придраться.

– Улыбается. И цвет лица свежий какой. Совсем не выходит погулять, – решил я. – Отсидивается, вместо того, чтобы данные собирать.

«Я бы тоже отсидивался, чем шляться в респираторе», – подумал я и громко поприветствовал исследователя.

– Добро пожаловать на Проксиму, брат! – ответил он, но руки не подал. – Денис Соколов, космогеолог.

«Брат! – усмехнулся я. – Что с людьми творят эти планеты!»

– Александр Беляков, пилот челнока, космическая оборона.

– Решили прислать смену посерьезней? – Денис Соколов улыбался искренне, зубы его блестели ярче любого из солнц Проксимы.

– Сигнал пропал. Выслали меня, – в моей улыбке скрипел песок.

– А это? – Денис прищурившись, посмотрел на двойника. Тот стоял в стороне.

– ОН. Могу отключить, – сказал я.

– Не Александр-Два? – заметил Соколов.

– Ни в коем случае.

– Не стоит отключать. Он действует согласно программе, как и все мы. Пройдемте в столовую, угощу вас кофе.

– Я бы хотел сперва ознакомиться с вашими исследованиями.

– Обязательно! Но давайте сначала кофе, а? Я как раз собирался приготовить себе чашечку. Я привез с собой с Земли фарфоровый сервиз, семейная реликвия. Пожалуйста, позвольте мне побыть радушным хозяином, я столько времени провел один.

Столовая располагалась в дальнем корпусе, мы шли как раз по аллее саженцев. Деревца, тонкие и чахлые, чувствовали себя неуютно на террасформированном участке земли. Они молили о заботе вялыми листьями, но космогеолог, скорее всего, больше времени уделял грунту, чем всходам над ним.

– У вас сигнал пропал, – напомнил я Соколову.

– Я упал, ударился головой. Вы же знаете, что сотрясение обрывает связь. Мой двойник, – Соколов покосился на цифровую копию, шагающую справа от меня, – просуществовал пару минут, прежде чем исчезнуть. Я очнулся, его уже нет.

– Почему не послали отчет? – я махнул киберпчеле передать данные.

– Отсылал неоднократно, – удивился Соколов. – Вам не сообщали?

– Нет.

– Вы, наверное, были в стазисе. А после не проверили. Бывает. Вы отчего не сообщили носителю? – обратился исследователь к двойнику, хотя прямое обращение к цифровой версии считалось дурным тоном.

– Напоминаю, что пока исходник в стазисе, цифровой двойник человека не может быть сформирован. По собственной воле, – ответила моя копия.

– Возможно, возможно, – проговорил Соколов, пропуская нас в столовую.

Киберпчела залетела следом и замерла у двери.

– Люблю киберпчел, – сказал Соколов. – Моя сломалась. Вездесущий песок.

– Вы хотите, чтобы я поверил, что специалист «Заслона» не может починить киберпчелу? – спросил я, выбирая стул напротив двойника. Он отчего-то решил присесть за стол. Сидеть рядом я не собирался.

Соколов нажал кнопку на кофемашине. Столовую напол-

нил горький, с земляными нотами аромат, родной, пробуждающий к жизни в любой точке вселенной.

– Нет. А вы можете? – поинтересовался Соколов.

Я замялся. Специальность не та. Как, впрочем, и у него. «Что это я цепляюсь? Исследователь жив-здоров, работает и не забывает широко улыбаться, несмотря на всю эту пыльную Проксиму. Мне бы тоже не мешало проявить вежливость».

– Хорошо хоть кофемашина в порядке, – рассмеялся я, и Соколов поддержал меня.

Мы смеялись, двойник сидел с абсолютно ровной спиной и ждал, когда мы закончим.

– Ну и, – спросил я, не дожидаясь, пока Соколов принесет кофе, – как вам Проксима? У нас любви с первого взгляда не случилось.

– Отличная планета. Золотая жила.

– Неужели настолько хороша?

Кофемашина жужжала, Соколов подставил вторую чашку.

– Границы базы не увеличились, – подал голос двойник. – Терраформирование стоит на месте. По данным киберпчелы, Денис Соколов не подавал сведения в течение трех месяцев.

– Можно просто Денис. Видите ли, я обнаружил новые факторы и решил изучить их, прежде чем делать выводы и сообщать проекту, – Соколов отвечал двойнику без тени раз-

дражения.

Он замер у стола с чашками в руках. Лицо его побледнело.

– Не думаю, что нам необходимо везде обустроить себе Землю. Согласитесь, родные стены порой так тесны.

– Не знаю, – пожал плечами я. – У меня было счастливое детство.

– Конечно, иначе бы вас не выбрали для связи с цифровым двойником. Но здесь, – Соколов обвел чашками столовую, – скорее подходящие условия для тех, кто не слишком привязан к прошлому. Все дело в графене.

– В графене? – переспросили мы с двойником одновременно.

– С Iot-датчиками? – уточнил я, указав правой рукой двойнику не вмешиваться, а левой сделав знак киберпчеле записывать разговор.

– В датчиках используется синтезированный графен. Из-за особенностей энергетического спектра носителей графен проявляет специфические, электрофизические свойства, необходимые для создания цифровой копии человека. Эта модификация углерода на Земле произведена искусственным способом, у нас графен в природе не встретишь. Но на Проксиме графен повсюду, планета – источник природного графена. Воистину чудо?

– Наверное, – осторожно ответил я.

Соколов поставил кофе на стол, взвизгнул стулом, сел, скрестил ноги. Он снова, прищурившись, разглядывал мое-

го двойника. Тот сидел неподвижно.

– На Земле графен давно используют как суперпроводник тока и тепла с самой высокой подвижностью электронов. Но на Проксиме у него есть иное свойство, куда более любопытное для науки и развития видов. Мы так часто задавались вопросами, что первично: материя или дух? Мозг ли порождает сознание или сознание порождает мозг? Мы создали цифровые копии, буквально оживив сознание, сделали его видимым, функциональным, реальным. Правда, использовать его стали в привычной нам, потребительской форме. Графеновый песок Проксимы позволил мне снова задаться этими вопросами и подойти к созданию нового вида.

Я слушал, открыв рот. А кофе тем временем стыло, как стыло бы любой живое или неживое существо или субстанция, не понимающее музыки вдохновенной речи космогеолога. Но я-то понимал, как и мой цифровой близнец. Он весь обратился в слух, даже вырос над столом, вытянулся и совсем перестал мерцать.

– Какого нового вида? – уточнил я. И тут заметил, что Соколов поставил чашку перед двойником, не передо мной.

– Будущего, – ответил Соколов и почему-то кивнул.

– Уточните, – я ухватился за ручку чашки. Пальцы прошли сквозь фарфоровую петлю.

– Вот это будущее, – Денис указал своей чашкой в сторону двойника, словно поднял за него тост. – Возможность материализации сознания, – он поднялся и подошел к двойнику,

смотревшему на меня с жалостью.

С жалостью!

Стул подо мной расползлся, я упал на пол, которого тоже не оказалось. Под руками сыпался песок. До меня доходило слишком поздно!

«Но как же? Как могло произойти подобное? – метались мысли в голове, руки тщетно пытались схватиться за исчезающий стол. – Срочно сообщить руководству проекта!»

– Сознание управляет миром, – Соколов похлопал моего двойника, тот преспокойно держал мою чашку с кофе. – И дает форму тому, что может представить. Я наконец-то не один, брат. Нас двое.

Они пожали друг другу руки. Вокруг исчезали стены столовой, саженцы, цветы, купол базы.

– И потом... О, какое мученье!

К недоступному доступ найден.

Я как жалкий ребенок смущен.

Где любовь, где восторг упоенья?

Все прошло, ускользнуло, как сон.

Я мечты отдавал не богине,

Ты все, ты – земля на земле,

Я один в удушающей мгле,

Я очнулся в бесплодной пустыне,

Я проснулся на жесткой скале.

Он рассказывает мне стих Бальмонта до конца. Строки

подходят. Почему? Почему они подходят ко всему происходящему со мной? Смерть и впрямь саркастична и любит позерство.

– Я мог выходить из тебя с первого же дня соединения. Мы все можем. И в сеть, и в реальность, если можно так выразиться.

ОН объясняет тихо и мягко, изредка набирает пригоршню песка и отправляет с ветром лететь за холмы. С хребтом дьявола я не ошибся. Тело настоящего инженера лежит в шагах тридцати от моего, уже припорошенного пылью. Голова у него проломлена, меня ждет та же участь. Я представляю, что Проксима икнет и раскроет зыбун, милостиво слизывая меня с поверхностью, чтобы я не слушал объяснений.

– Графен везде. И мы тоже можем быть везде, для нас нет телесных ограничений. Мы новый вид людей. Пусть тебя утешит факт, что ты все-таки останешься жить. Я никогда не отрицал того, что я – это ты. И именно ты будешь жить на Проксиме.

– Я не ты, – хриплю я. Без респиратора дышать сложно. Копия Дениса Соколова сломала мне ноги, наступила и кости хрустнули, и мир взорвался болью. Мой двойник еще не набрался подобных сил.

– Не лишай себя последнего утешения, – усмехается ОН. Теперь ОН кажется настоящим Александром Беляковым, а я его унылой копией, умирающей под слоем песка.

Одна голова хорошо... К черту, дед! Одна голова – все,

что нам нужно. Каждому своя, какая уж дана, такой и пользуйся. Но нет... две лучше! И лучше, чтобы вторая голова была чуть умнее, чуть перспективнее, чуть удачливее.

– Ты не человек. Ты обман, как и все, что тот, другой, тебе наговорил. Для вас нет никакого будущего, – я должен утвердить свое превосходство, пусть даже в последний раз.

– Целая планета цифровых людей, – он закрывает глаза, растягивает уголки губ, ноздри орлиного носа расширяются. Он наслаждается. И как я не замечал за ним проявлений не моих чувств?

– Мы мечтали населять другие миры.

– Мечтали МЫ! – перебиваю я. – Будут еще исследователи. Вы убьете всех?

– Умрут двойники. На Земле никто не заметит разницы.

– Откуда ты знаешь?

– Я знал это, – он хмыкает, – как только ступил на планету.

Денис сообщил мне.

– Он не Денис, – возмущаюсь я.

– Теперь Денис. А я Александр.

– Хорошо, пусть так. Отправь меня на Землю, – малодушие подползает неожиданно и просит тонким голоском. – Сам говоришь, никто не заметит. Я скажу, что наша связь оборвалась. Удар головой, сотрясение. Ты скажешь, что убил меня, он не станет проверять.

– Нет, – коротко говорит он. – Поразительно, что я могу все, что можешь ты, а в обратную сторону это не работает.

– Ты не можешь любить! – отрицаю я.

– Любить и ты особо не умел. Разве только деда. Да и то лишь в воспоминаниях. Не забывай, я был вот здесь.

Он стучит мне по виску. Наше первое прикосновение. Слишком осязаемое, личное и подытоживающее года совместного существования.

– Так что и с меня спрос невелик, – продолжает он. – Что до другой стороны любви... Так ли нужно расширять популяцию тем, кто никогда не умрет. Ха! – он вскакивает, я прежде не наблюдал у него подобного возбуждения. – А может, в этом цель проекта?! Я и Соколов на Проксиме. И другие после нас.

– Убей меня уже! – выдыхаю я облако черной пыли.

ОН не заставляет себя ждать. Рука его походит на нож. Кожа рвется, трещат ребра, сердце прыгает в чужую ладонь, сжимается кулак. «Будет. Успеется», – ласково повторяет призрачный дед моим стонам. Он появляется из меня также, как двойник когда-то, но дедушке я радуюсь.

Солнце жарит третий полдень Проксимы. Я все еще вижу пыль, вьющуюся за умчавшимся двойником.

– Он выкинул лишнюю деталь, – с одобрением говорит испаряющийся дед.

Или все же я говорю?

Александр Беляков летит на дедовском раритетном электроцикле к горизонту.